

КАК ВОСПИТЫВАТЬ ДЕТЕЙ, ЕСЛИ МИР ТАК СЛОЖЕН?

Ответы на вопросы открытых встреч

— Как воспитывать детей, если мир такой сложный, со многими соблазнами, хотя бы с точки зрения общечеловеческой морали?

Свящ. Георгий Кочетков: Как воспитывать детей? Кто бы знал, как воспитывать детей, особенно в сложном мире с точки зрения общечеловеческой морали... На сегодняшний день мы можем констатировать только одно, — что этого никто не умеет и не знает. И к этому надо отнестись очень всерьез. Это говорит о кризисе традиционных ценностей, традиционных этических норм и даже самой семьи, о кризисе нашего отношения к детям, даже если вся семья христианская, православная, верующая.

Проблема в том, что воспитать детей можно только привив им к духу и смыслу евангельской жизни, к церковной традиции не во внешних обрядах и формах, а в самом духе этого многовекового наследия Церкви. А делать это можно только одним образом. Во-первых, своим примером: нет примера — нет воспитания. Во-вторых, воспитанием в духе и смысле Евангелия, в духе и смысле Христовом. Нет духа Христова — нет христианского воспитания. В третьих, нужно детей воспитывать в терпении, смирении, послушании Богу, в дерзновении, а значит, как мы знаем, в свободе и смелости духовной. Только тогда дети, когда вырастут, не побоятся выглядеть в определенных ситуациях как белые вороны. Ведь не секрет, что современный христианин часто — «один в поле воин». Но воин ли он — это зависит и от воспитания. Понятно, что вера города берет, понятно, что все возможно верующему, но надо *быть* таким верующим, надо понять, что же в нашей вере есть такое, что открывает нам все пути, все возможности, что обеспечивает нам помощь Божью во всем. Это очень трудно передать современным детям, потому что они во многом оглядываются на своих сверстников, зациклены на себе, часто стилизуются под общепринятые стандарты, под моду и т.д. Они бывают эгоистичны, и это почти неизбежно, ведь часто в семье ребенок лишь один или их двое. С другой стороны, многодетные семьи живут сейчас очень трудно. И даже не потому, что им материально тяжело, можно найти способы компенсировать материальные трудности. Мне кажется, что многодетным семьям очень трудно духовно, потому что, с одной стороны, нельзя замкнуться на себе, закрыться, что было бы желательно с точки зрения воспитания, но нежелательно с точки зрения социализации ребенка, а с другой стороны, нельзя быть открытым ко всем ветрам мира сего. Удерживать здесь баланс удастся крайне редко.

Это великое чудо — когда дети из гадких утят превращаются в прекрасных лебедей. Вдруг наступает переходный период, они часто экспериментируют там, где не надо экспериментировать, в том числе в области этики, не слушают никого и ничего, иногда даже сомневаются в самом главном или уходят от Бога и из Церкви. Но проходит небольшое время, и если хоть что-то живое было заложено в их душах, оно прорастает. И уже годам к 19-20 дети преображаются. Они становятся взрослыми людьми и часто вполне благочестивыми христианами. Насколько

все это глубоко — это другой вопрос, и отвечать на него придется в разных случаях по-разному. А бывает так, что дети, образцовые в малом возрасте, не проходят этого «экзамена» и после переходного возраста уходят так далеко, что вернуться им уже невозможно. Тогда, конечно, беда. Значит, их воспитание не удалось. Это не всегда связано с родителями или с самими детьми. Иногда это связано с тяжелыми обстоятельствами, в которых приходится жить детям. Это судьба. Это в каком-то смысле слова уникальная ситуация, в которой живет каждый человек. Это иногда фатум. Но чтобы не быть под властью фатума — внешней, космической, «магической» судьбы, социально, или классово, или материально, профессионально, семейно обусловленной — надо обрести свободу и мужество. К этому надо готовить. В этом и трудность. Раскрыть эту тайну — и значит раскрыть тайну воспитания детей в современном мире.

— Как Бог допускает, что люди болеют или умирают в молодом возрасте?

О. Георгий: А кто сказал, что Бог это допускает? Это мы допускаем, потому что у нас есть свобода. Это мир сей, отпавший от Бога, допускает, потому что он лежит во зле. А Бог не допускает вообще никакой смерти — ни молодых, ни старых. Он призывает нас к вечной Жизни, Он открывает нам этот путь и мы должны по нему пройти. Большое недоразумение — считать, что все, в том числе и всякое зло, от Бога. Так часто считали в Ветхом Завете, иногда в педагогических целях так говорили в Новом Завете, даже св. отцы, но это условность. Новый Завет хорошо знает, что «Бог не искушается и не искушает никого». Последний враг Бога — смерть. Как же Бог может допускать смерть молодых? Повторяю, на мой взгляд, Он радикальнейшим образом *не допускает* этого. Именно поэтому Он воскрешает Своего Сына Иисуса Христа, не просто умершего за нас, за наши грехи, но прежде всего Своей Любовью победившего Смерть.

Невозможно приписывать Богу зло мира сего. «Князем мира сего», как из-

вестно из Евангелия, является сатана. Поэтому вопрос, как мне кажется, поставлен не вполне корректно. Здесь надо быть осторожнее в выражениях. Повторяю, великое упрошение и даже, более того, ошибка, если не прямой грех, считать, что все, что с нами случается в жизни — от Бога. Это не так. Бог зла не творит, как сказано в Писании, и Он не допускает грехов. Он как раз все делает для того, чтобы их не было в нашей жизни. Если бы мы научились так же относиться ко злу и греху, которые еще существуют в этом мире, мы были бы значительно лучшими христианами.

— Можно ли назвать искусство, показывающее зло этой жизни, например фильм «Груз 200» и т.д., миссионерским, т.к. после него человек начинает задумываться? Вообще, может ли иллюстрация зла помочь прийти к Богу?

О. Георгий: Если это именно изображение зла, как оно есть в мире, то в этом может быть смысл. Мне кажется, что это имеет катарсическое, очищающее действие. Еще древние греки говорили о катарсисе как одном из плодов искусства. Искусство тем и ценно, что оно показывает трагедию жизни и через это приводит нас к изживанию зла, к отстранению от зла, хотя бы такого, которое показано нам с большой силой средствами искусства. В этом оправдание искусства. Искусство не должно просто ублажать и веселить человека. Оно может делать и это, но это другой вопрос. Оно не должно просто показывать гармонию жизни, изображать лишь классические формы. Искусство без чувства трагедии, несовершенства и зла этой жизни не может быть полноценным искусством. Иногда даже прямой гротеск может дать больше, чем простое нравоучение. Если говорить о современных фильмах — вспомним, скажем, Тарковского. Если не все, то большинство его фильмов показывают зло этого мира очень проникновенно, очень глубоко. Они показывают, что корни зла уходят в мистические глубины. И человека это очень волнует, человеку очень важно знать, что борьба со злом — это свя-

шенная борьба. Может быть, самая святая вещь, которую можно в этой области себе представить. Есть и другие священные вещи — есть опыт любви, опыт веры, надежды, свободы, духа, света, но этот опыт не будет полноценным без отстранения себя от сопричастности злу и греху. Поэтому как бы ни было тяжело иногда смотреть современные фильмы, которые обнажают подлинные основы и факты нашей жизни, не всегда лежащие на поверхности, не всегда нам понятные или приятные, все равно надо это делать, надо смотреть, надо вдумываться, надо сопереживать добру, сопереживать Богу и Божьему делу. В этом смысле кинематограф может иметь огромное значение. Он может возбудить в нас любовь к добру и ненависть ко злу и греху. Давайте любить правду Божью, закон Божий, веления совести, давайте не любить ничего из того, что этому противостоит.

— Если у человека есть талант, должен ли он как-то это отрабатывать, даже если он не религиозный? Если да, то каким образом?

О. Георгий: Все зависит от того, что мы понимаем под словом «талант». Часто путают талант, который свыше, от Бога, который является особым даром и за который человек действительно отвечает перед Богом и людьми, перед своей совестью, перед всей своей судьбой, своей жизнью — и, скажем, человеческие способности, более или менее ярко выраженные. Настоящий талант — это не просто человеческие способности. Это действительно благодатный дар. Поэтому он и не всегда умещается в обычные рамки мирской жизни. Он может приносить определенные страдания, определенные трудности человеку. Это узкий путь, это тесные врата, через которые человеку надо пройти. Уже из этого видно его отличие от обычных человеческих способностей, которые человек использует чаще всего для себя или для удовольствия ближних, а иногда и дальних. Талант же требует не столько «отработки», сколько служения. Человек, который получает талант, должен понять, что он, в соответствии с известной евангельской притчей, не имеет права его закопать в землю. Он должен не отрабатывать, а умножать. И вот это самое главное. Талант — это своего рода крест. И неся этот крест, человек не должен бояться трудностей. И как зерно, прорастая, давая колос и принося урожай, умножает себя, умирая, в три, в пять, в десять раз, а иногда и больше, точно так же человек должен заботиться только об одном: чтобы, забывая о себе, в каком-то смысле нивелируя свою самость, свою гордыню, свое честолюбие, свою жалость к себе, принести благодаря своему таланту новые дары, новые таланты, новые плоды, которые, в свою очередь, должны помочь другим людям сделать то же самое. Вот это, мне кажется, самое трудное, но и самое главное. Человек должен чувствовать это своим сердцем, своей совестью, умом, всем своим существом. И великие слова Христа, важнейшая парадигма христианской жизни человека — что человек должен отвергнуться себя, взять свой крест и следовать за Ним — тут как раз оживают и исполняются.

НЕТ БОЛЬШЕЙ РАДОСТИ, ЧЕМ ОПЫТ ЕДИНСТВА ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

14 июля исполнилось 105 лет со дня рождения замечательного пастыря и поповедника — протоиерея Всеволода Шпиллера, 22 июля — 25 лет со дня кончины одного из самых известных богословов XX столетия — прот. Иоанна Мейендорфа.

Сегодня нам хочется вспомнить хотя бы отчасти тот уникальный опыт — опыт церковной жизни и богословия русской эмиграции — который каждый из них по своему представлял своей жизнью и служением.

О. Всеволод провел в эмиграции тридцать лет. В 1920-м он ушел из России вместе с Белой армией. Жил в Болгарии. Окончил богословский факультет Софийского университета. В 1934 году стал священником, служил в одном из провинциальных болгарских городков.

В 1950 году он приехал в Москву и больше тридцати лет, до конца жизни, служил в Николо-Кузнецком храме. Его образованность и аристократизм (столь редкие в годы, непосредственно следовавшие за десятилетиями уничтожения в народе не только этих качеств, но и большинства их носителей), глубокие проповеди привлекали в

храм образованную молодежь (в те годы это тоже было удивительной редкостью).

О. Иоанн Мейендорф — один из наиболее ярких представителей парижской богословской школы — родился в 1926 г. в Нейли-на-Сене под Парижем, в русской аристократической семье. Окончил Свято-Сергиевский богословский институт, преподавал в нем церковную историю, затем учился в Сорбонне, где в 1958 г. защитил докторскую диссертацию о богословии св. Григория Паламы. После рукоположения во священники в 1958 г. переехал в Нью-Йорк. Был профессором Свято-Владимирской семинарии и Форгемского университета. В 1984 г. сменил покойного о. Александра Шмемана на посту декана Свято-Владимирской семинарии. Автор многочисленных трудов по патрологии и истории Церкви.

Ниже мы публикуем два письма из сборника «О. Всеволод Шпиллер. Страницы жизни в сохранившихся письмах» (одно из них написано о. Всеволоду о. Иоанном Мейендорфом) и одну из проповедей, записанных в свое время прихожанами Николо-Кузнецкого храма.

Ищите прежде Царствия Божия...

Дорогие братья и сестры! За Иисусом Христом всегда шло множество народа из многих городов и селений, из Иерусалима и Десятиградия, со всех концов Иудеи, Галилеи и Палестины. Обычно Спаситель поднимался на какую-нибудь возвышенность или гору и оттуда проповедовал. Народ, слушавший Его, пытался зайти повыше, поближе к Спасителю, ибо то, что Он говорил, Его благовестие, имело совершенно особую силу.

Учили народ фарисеи, книжники, начальники, и народ слушал их, и привык слушать. Они говорили умно и о насущных вещах, учили народ жить. Но слово Христа Спасителя отличалось от всего того, что привыкли слышать вокруг себя люди тогдашнего времени. Отличалось оно одним — силой. Он говорил всегда как власть имеющий, и власть высшую. Власть и силу правды, притом правды Божией. Эта правда противопоставлялась всем учениям и правилам, которым люди должны были следовать. Поэтому слово Его имело революционную силу. Оно действительно опрокидывало все сложившиеся понятия людей того времени. Слово Спасителя было обо всем, о всей жизни, о всем ее устройстве, о том, что плохо в ней или хорошо, и решительно во всем оно открывало совершенно новый смысл, меняло все сложившиеся понятия.

Именно так же звучит и сегодняшнее евангельское чтение, и мы, так же поднявшись на эту маленькую горку в храме Господа нашего, слушали Его проповедь, часть Его учения, изложенную в сегодняшнем евангельском рассказе. Вы подумайте, как в те времена смущены были люди, слушавшие Его, независимо от того, принимали они Его слова или нет. И это понятно, ведь Его проповедь ниспровергала сложившиеся многими столетиями понятия людей. Но разве то слово, которое мы сегодня слышали в евангельском чтении, не опрокидывает и наши с вами понятия, понятия, сложившиеся тоже, если хотите, веками и так распространенные и сейчас? Один пророк говорит о том времени: люди сделали себе идолов и этим идолам поклоняются, как Богу, и поэтому они не могут как следует принять Слово Божие, а продолжают поклоняться своим божкам, своим идолам, которых посадили в своих сердцах и душах. А ведь то же самое происходит и у нас с вами, братья и сестры, поэтому и мы 2000 лет спустя после Спасителя многие Его слова воспринимаем с недоумением, останавливаемся перед ними, а многие из современных людей даже говорят: христианство в истории не удалось, потому что смущаются учением Христа.

Нет, христианство удалось! А что смущает? Сегодняшнее евангельское чтение очень хорошо говорит, как не надо полагать слишком много попечений о хлебе насущном, об одежде, о всех тех благах цивилизации и культуры, которые человек добыл, к которым стремится, которым поклоняется и кланяется как богам, как идолам. И этих идолов в душе людей теперешних такое же множество, как и у тогдашних, мы даже не знаем, где найти свободное место для Бога, место для Бога истинного. Да, но как можно не заботиться о хлебе насущном и быть подобно птицам небесным? Как можно не заботиться об одежде, которую мы носим? Об этом вы сегодня слышали. Об этом говорит Христос. А Христос зовет прежде всего к правде, к правде Царствия Божия, а потом все остальное. Что важнее для нас, для огромного множества людей сегодняшних — правда Божия или хлеб насущный? Мы носимся из магазина в магазин с нашими авоськами, и разве не это наполняет нашу

жизнь, большую часть нашей жизни? Разве не ищем мы прежде удовольствий, а затем уже правды Божией? Но что получается? Вы посмотрите на наш опыт, и мы убедимся, что Спаситель был прав, насколько Его учение глубоко и жизненно правильно. Чем больше забот о хлебе насущном, тем его меньше. А о правде Божией и говорить нечего. В жизни мы загнали ее в угол и не обращаем на нее внимания, а между тем, чем меньше правды Божией, тем больше господство материальных благ, которых на самом деле становится все меньше. Слова Христа Спасителя, сказанные более 2000 лет тому назад, верны и убедительны и сейчас. Его учение такое простое, но одновременно такое глубокое и верное. Там, где есть правда Божия, там гораздо больше и материальных благ. Ведь Спаситель не говорит: не добивайтесь этих благ. Ведь без них жить нельзя: без одежды жить нельзя, без хлеба жить нельзя. Он и не говорит, что не нужно трудиться для того, чтобы иметь нужное для жизни. Но Он говорит: «Ищите прежде правды Божией и Царствия Божия!» А ведь мы прежде ищем, чем бы наполнить нашу авоську, какой бы костюмчик подобрать на себя, мы прежде стремимся к удовольствиям в жизни, чем к правде Божией. А Спаситель только одно и говорит: Ищите прежде Царства Божия, правды Божией и все остальное вам приложится, потому что Бог знает, что вам нужно, и поможет вашему труду, в котором вы трудитесь, для того чтобы иметь необходимую материальную основу жизни. Но прежде ищите правды Божией, прежде ищите Бога, а потом все приложится вам.

Вот на это и христиане, и неверующие люди не обращают внимания — на слово «прежде». Весь смысл проповеди Христовой о жизни: жизни на земле, жизни человека в Боге, жизни человека такой, какой она должна быть, для того чтобы человек был человеком, заключается именно в том, что нельзя прежде всего искать того, чего мы ищем, и поклоняться всему тому, чему поклоняемся, как идолам, которых внесли в свою душу, в свою внутреннюю жизнь. Нужно все, и все требует труда, но этот труд будет благодатен и плодотворен только тогда, когда прежде будем искать правды Царства Божия, а не иначе. А что такое правда Царства Божия, которую нужно искать прежде всего? Это любовь! Бог есть любовь, и человек сообразен Богу, поэтому он есть в сущности глубинной своей тоже любовь, и должен жить любовью, любовью к людям, только тогда правда будет осуществляться в его жизни. Пути, ведущие к претворению правды Божией на земле, это прежде всего пути борьбы со страстями. Мы пугаемся этой борьбы, мы ее боимся, боимся тех страданий, которыми страдает, действительно страдает, каждый борющийся со страстями себеугодения. Мы так привыкли к этому себеугодению, к исканию и наполнению нашей жизни прежде всего материальными благами, что, отказываясь от чего-то, мы страдаем и боимся этих страданий. Но именно эти страдания ведут к правде, именно они ведут к свету, которым наполняется жизнь, когда человек любит, по-настоящему любит, любит Бога, любит ближнего своего и ищет правду и жизнь в правде, в истине, а не в той лжи, которой наполнена человеческая жизнь, особенно нашего века, особенно наших дней всюду во всем мире.

Будем почаще вспоминать сегодняшнее евангельское чтение, в котором Спаситель говорит: *Ищите прежде Царствия Божия, и все остальное, все нужное приложится вам. Аминь.*

Протоиерей Всеволод Шпиллер

Протоиерей Иоанн Мейендорф — отцу Всеволоду 18.12.75.

Дорогой отец Всеволод! Посылаю Вам самый сердечный привет и пожелания к св. Празднику и желаю Вам восстановления сил и новой помощи Божьей в наступающем году. Ваше письмо от 27-го сентября было для меня большой радостью: для меня было огромным разочарованием — не найти Вас в Москве. Но вот «своих» встретили, и мы можем продолжить обсуждение, которое мы начали ещё в 1973 году на Вашей квартире, в Москве.

<...>

Вообще, нет большей радости, чем опыт единства церковной жизни, хотя «планеты», на которых мы живём и разные, и формы, в которые эта церковная жизнь облекается — тоже разные. А евхаристическое возрождение и у Вас, и у нас — одинаковое основание и надежда на будущий рост церковного организма. Это я очень сильно почувствовал в это моё посещение Москвы, более сильно, чем два года тому назад, вероятно потому, что было больше времени и не было (почти) ограничений, связанных с групповыми поездками. О. Александр Шмеман очень благодарит Вас за память и привет и просит меня передать Вам его уверенность в том, что в самом (и единственно) важном, он чувствует своё полное духовное единство с Вами.

Ещё раз, молитвенно желаю Вам скорого выздоровления и новых сил.

Ваш во Христе прот. И. Мейендорф.

Протоиерей Иоанн Мейендорф

Отец Всеволод Шпиллер — Николаю Бердяеву Пазарджик, 23.06.39.

Глубокоуважаемый Николай Александрович! Не знаю, следует ли и могу ли сесте за это письмо: ни Вы меня не знаете совсем, и я не знаю Вас почти совсем. Всё-таки на книжной полке стоят, кажется, все Ваши книги. Однажды в прошлом году написал Вам в связи с каким-то маленьким делом и не удержался, чтобы не сказать какую-то глупость, которой до сих пор стыжусь, хотя и позабыл, в чём она была. Вот и все наши отношения. Вас и Вашу жену знала моя жена и так много тёплого и хорошего сохранила о Вас до сих пор, столько унесла от встречи с Вами в мою жизнь. Но ведь это она, не я.

А я — во вражеском Вам стане священник очень консервативного духа, богословствующий, хотя и не публично, а для себя, в шорах такого неинтересного, провинциального школьного направления. И в Ваших писаниях, хотя и есть в них (и даже в той последней статье о Фёдорове) что-то страшно близкое и своё, столько в них чужого и далёкого, из другого стана мысли, из другого стана опыта. И вот всё-таки сажусь за это письмо, потому что захлёбываюсь горечью и тоской и каким-то страшным внутренним негодованием против всего, что этот, мой стан, делает с Вами, да не только с Вами — с жизнью!

Какое Вам дело, Николай Александрович, до этой горечи и до этой тоски, и что же может оправдать этот порыв — сесте и написать Вам о них? Совершенно не знаю, но всем сердцем чувствую, что могу и даже должен дать им волю. Вся эта вражда и злоба в разделениях наших уже не выносима, уже совсем невыносима. Уже не только жутко, не только холодно жить во всём этом, а просто нельзя. И то последнее тёплое на земле, что ещё в каких-то обрывках остаётся с нами и в нас, если рвётся наружу, то и пусть рвётся, куда бы ни рвалось и как бы ни рвалось! Вы не броситесь к нему, как бросился к нему когда-то Розанов, может быть и потому, что его ещё меньше сейчас, чем тогда, и оно стало холоднее в наши страшные дни. Но если бы Вы почувствовали даже и в этом моём к Вам порыве, что всё-таки оно ещё есть и даже здесь, в этом стане, за который так стыдно и больно, может быть, и простить что-нибудь этому стану?

Зачем же принадлежать к нему? Одно здесь мог бы сказать на это. Как раз где пишет Розанов о последнем тёплом на земле и как он к нему бросился, пишет и о святых, которые будут победителями мира. Не из-за них ли бросился? К ужасу моему, только в этом стане я и нашёл их. Не говорю, что они только здесь, но что я их нашёл здесь только. И потому-то, куда же идти отсюда, как же можно уйти от них? Этого нигде нет... И пусть рядом с этим — всё другое, от чего сердце рвётся пополам... Что же делать? Но знайте, что рвётся пополам! Может быть, за это простите, что-нибудь скажу (стану?) (?) не по-Вашему. Совестно признаться, но и это скажу. Пишу Вам чуть не со слезами какой-то совсем неизбывной горечи и печали, и сюда за всё это такое ненужное и страшное в отношении к Вам.

Искренне уважающий Вас священник Всеволод Шпиллер.

P.S. Шлю Вам, многоуважаемый Николай Александрович, самый сердечный привет, Лидию Владимировну крепко целую.

Искренне Ваша Людмила Шпиллер.